

1

Есть истина: «В единстве — сила» —
она народом рождена
в те дни, когда беда грозила,
когда вторгалась в жизнь война.

Служа для многих поколений
опорой, мудрые слова
и облегчали груз лишений,
и озаряли торжества.

Единство помогло народу
не только выжить, но сберечь
от гибели в лихие годы
родной язык, родную речь.

Пока не скован немотою —
народ не сдастся силам зла.
Для сына самое святое
жизнь той, что жизнь ему дала.

Путем, усыпанным цветами,
кто шел? В какие времена?
Не раз кровавыми дождями
была земля орошена.

Любому довелось народу
на месте пашен и жилищ
увидеть выжженные всходы
и страшный контур пепелищ.

Страданья, битвы, испытанья
У всех народов за спиной.
И матерей и вдов рыданья
слыхали звезды в час ночной.

И плач сирот слыхали скалы.
Народа путь — нелегкий путь:
заносы, пропасти, обвалы
и черный ветер, бьющий в грудь.

2

В пути его подстерегали
и оползни и гололед.
Потоки насыпь размывали,
мосты сносил водоворот.

Но он, в несчастиях мужая,
не складывал покорно рук.
Он знал, нужны для урожая
ему и плуг, и верный лук.

Держа сегодня оборону,
а завтра пашню бороня,
чтоб не засохла жизни крона,
он воду подводил к корням.

Сегодня ратник, завтра ратай,
врагу задав кровавый пир,
он свата принимал как брата,
во здравие на свадьбах пил.

И как бы ни был он изранен,
но в первый же из мирных дней
распахивал он поле брани,
стреножив боевых коней.

Вновь пастухи коней седлали,
тучнел на буйных травах скот,
и песни вновь в домах звучали,
бессмертные, как сам народ.

Как смерч, безжалостный и черный,
нес смерть всему живому враг,
но жернова дробили зерна,
и продолжал пылать очаг.

В селеньях жизнь не замирала:
ушедших землю защищать
ждала, младенца пеленала,
огонь поддерживала мать.

3

Те воды, что по склонам горным
бегут, чтоб зерна напоить,
лишь с материнским животворным
я молоком могу сравнить.

Героев, о которых были
из уст в уста передаем,
под колыбельную вскормили
когда-то этим молоком.

Достигший власти беспредельной,
тиран, поработив народ,
убить не может колыбельной,
что мать над зыбкою поет.

Истлела кожа на колчане,
изъеден ржавчиной булат,
никто не помнит о тиране,
а колыбельные звучат.

Они бессмертны, словно небо,
и вечны, как весенний сев.
Древнее выпеканья хлеба
их не стареющий напев.

Надежде, что не умирает,
они сродни. Сквозь толщу туч
пробившись, души согревает
в холодной тьме надежды луч.

Шли годы. Дети выросли.
И матери в полночный час
для будущих бойцов слагали
о новых подвигах рассказ.

Во имя счастья и свободы
терял народ сынов своих.
Почтим же мужество народа,
склонись в земном поклоне стих!

Обломком каменного кряжа,
сбив с ног, обрушилась беда,
и я услышал голос вражий:
«Ты встать не сможешь никогда!»

Но рано враг мне смерть пророчил,
и рано он торжествовал —
хоть были дни черней, чем ночи,
я выжил, выдержал и встал.

Мне было нелегко, не скрою.
Считая лишним красный слог,
скажу, что не был я героем, —
я просто делал все, что мог.

Мне дал свою живую воду
народной мудрости родник.
Я предан моему народу,
как самый верный ученик.

Не трус и не смельчак, в те годы
я просто был как все — бойцом.
Остался жив я. Из похода
вернулся я в мой отчий дом.

Течет, как прежде, жизнь селений,
в домах пылают очаги,
опять в дни пахоты весенней
по склонам гор ползут плуги.

И ливень землю орошает,
и покрывает снегопад,

и по утрам заря сияет,
и гаснет вечером закат.

Я славлю солнце золотое,
лучи, рассеявшие тьму.
Для сына самое святое
жизнь той, что жизнь дала ему.

5

Народ мой пережил немало,
я вспоминаю вновь и вновь
путь разрушавшие обвалы,
пролитую в сраженьях кровь.

Он в горы уходил все выше,
теснимый ордами врагов.
Казалось, каменные крыши
уже касались облаков.

Вокруг вставали гор громады,
и там, среди суровых скал,
упорно, так, как ищут клады,
под пашню землю он искал.

Кустарник чах по склонам голым,
кривилась на ветру сосна...
Труд землепашца был тяжелым —
земля его была скудна.

Но, потом землю орошая,
на жалобы не тратя слов,
он добивался урожая
почти у самых ледников.

Долбил он горные породы,
растил он радости цветы,
через бушующие воды
он перекидывал мосты.

О камни рухнувших утесов
тупились лемех и кетмень,
но все-таки всходило просо,
и в колос выходил ячмень.

И счастье освещало лица,
как начинался обмолот.
Не покладая рук трудиться
и праздновать умел народ.

6

Я счастлив, что я сын народа,
который и в боях с врагом,
и в покорении природы
брал мужеством, а не числом.

Нас было мало — много было
на долю выпадавших бед.
Ночь потому нас не сгубила,
что верили всегда в рассвет.

Нас вражьи стрелы осыпали,
в селенья слали смерть цари...
Не вечна ночь — мы твердо знали
и верили в приход зари.

Тебя, народ, я славлю ныне
на языке, что ты сберег.
Не угасает память в сыне
о тяготах твоих дорог.

Мне дороги твои сказанья
о доблестных богатырях.
Ты выдержал все испытанья,
не стал золой, не втопан в прах.

С горами вровень было горе,
а пахотной земли клочок
так мал был, что на поле горец
плуг развернуть порой не мог.

Но, несмотря на груз лишений,
твоя душа была жива.
Народ заоблачных селений
услышал Ленина слова.

Ты в стороне не мог остаться,
когда сраженья час настал —
за дело Ленина сражаться
ты сыновей своих послал.

Вели восставшие народы
с несправедливостью бои.
Кровь проливали за свободу
в рядах борцов сыны твои.

Был нов, и радостен, и светел
тот мир, который ты обрел:
сбежав по горным тропам, дети
входили в классы новых школ.

Они учебники открыли,
как двери в свет из темноты,
и знания их открыли
для воплощенья в жизнь мечты.

Но тучи черные нависли,
и озарившее страну
враг солнце погасить замыслил —
фашисты начали войну.

Мы все по зову и веленью
сердец отправились в поход.
Кто с горцами ходил в сраженье,
их трусами не назовет.

Сказать о нас такое может
лишь лжец, что очернить легко,
своей души не потревожив,
способен даже молоко.

Нам погибать в боях не внове.
Я видел, делался багрян

и таял снег от нашей крови,
от крови, хлещущей из ран.

Как тяжело было извещение
о смерти сына получать!..
Я тоже ведь в родном селенье,
уйдя на фронт, оставил мать.

8

Я всю войну прошел. Сражаться
на многих довелось фронтах,
и мне не совестно признаться,
что знал усталость, ведал страх.

Но если вновь перед глазами
встают те грозные года,
я говорю: отчизны знамя
я высоко держал всегда!

Себя в бою не опозорил
и трусостью не запятнал.
Не возвожу себя в герои —
как все, я честно воевал.

Как все, в атаку подымался
и под обстрелом и в штыки.
Я малодушным не считался,
хоть и не вышел в смельчаки.

Не раз бывая близок к смерти,
остался все-таки в живых,

хоть и не прятался, поверьте,
от пуль проворнее других.

Я воевал, как все, но выжил,
и дело тут совсем не в том,
что пулям кланялся я ниже
других под вражеским огнем.

В меня впивались пули тоже,
я жив остался им назло —
мой смертный час не пробил, может,
а может, просто повезло,

Мы, горцы, доказали кровью,
что мы умеем умирать,
обнявши землю по-сыновьи,
не отступая ни на пядь.

9

Друзья мои, однополчане,
товарищи военных лет,
я памятью о вас изранен,
моей душе покоя нет.

Вы не вернулись в ваши семьи,
вы не вернулись к матерям,
и кажется мне дождь осенний
слезами горькими по вам.

Пусть стали матери седыми,
для вас, я знаю, навсегда
они остались молодыми,
как в предвоенные года.

Сердца, что перестали биться,
сердца погибших на войне,
о вас сегодня скорбно птицы
кричат над нами в вышине.

Есть, правда, люди, кем забыты
жизнь положившие за них.
Раз сами выжили и сыты,
им наплевать на остальных.

Товарищи, однополчане,
друзья, погибшие в боях,
простите мне напоминанье
о них, о черствых их сердцах.

А для меня вслед за рассветом
не день настал, а пала ночь.
Друзья, не знали вы об этом.
Могли ль вы мне тогда помочь?!

И все же помогли. В ту пору,
когда от гор родных вдали
ел хлеб чужой я, мне опорой
вы были, вы меня спасли.

10

Был зимний холод злым и жгучим
и прямо в сердце проникал,
но позади остались кручи —
прошли мы черный перевал.

Я после горьких лет разлуки
вступаю вновь под отчий кров,
и радостно мне слышать звуки
родных, знакомых с детства слов.

У очага хлопчет снова,
подкидывает хворост мать.
Слова наречия родного
в моих стихах звучат опять.

И над моею головою
вновь по-балкарски шелестят
чинары вешнюю листвою,
как много лет тому назад.

Народ народом остается,
пока жива народа речь,
пока народу удастся
язык от смерти уберечь.

Мы сохранить язык сумели,
от всех врагов уберегли.
Я слышу, вновь у колыбели
звучит напев моей земли.

Названия воды и хлеба
узнали мы от матерей,
«земля» и «радость», «жизнь» и «небо» —
учили с самых первых дней.

О детских радостях поведать
смогли на языке родном,

и, к сожалению, о бедах
пришлось нам говорить потом.

11

И многовековой и юный,
собрал в себя родной язык
гул водопада, отблеск лунный,
шуршанье трав и птичий крик.

Спускаюсь ли к отрогам горным
иль восхожу к вершинам гор —
я понимаю говор кроны,
веду с рекою разговор.

Живителен, как свежий ветер,
неиссякаем, как родник,
для всех людей на белом свете
священный матери язык.

Наездник цену слову знает,
ведь укрощает силой слов
и в иноходцев превращает
он норовистых скакунов.

Обычаи родного края
блюдем в горах мы до сих пор —
друзьям и близким, умирая,
наказывает житель гор:

«Когда умру, мою могилу
не забывайте посещать:
про все, что дорого мне было,
от вас я буду узнавать».

Друзья, погибшие в сраженьях!
Послушайте, как мы живем:
мы вновь отстроили селенья,
мы снова пашем, сеем, жнем.

Вновь школу дети посещают,
поленья в очагах трещат,
и ливни землю орошают,
и покрывает снегопад.

Над горными хребтами снова
и чист и ясен небосвод.
Звучит в горах родное слово,
а это значит — жив народ.

12

Я поспешу оговориться,
что перед вами, земляки,
мне зазнаваться и кичиться,
я понимаю, не с руки.

Я понимаю, что скорее
урок мне может преподать
любой из вас. Себя мудрее,
чем вы, могу ли я считать?

Я рад, что довелось родиться
в Чегеме мне. Я с первых дней
народной мудростью гордиться
привык и черпать силы в ней.

Я рад, что мать была крестьянкой,
что я, как и любой из вас,
вставать привыкший спозаранку,
телят со сверстниками пас.

Провел я молодые годы,
трудясь с утра до темноты.
Возделывал я огороды.
Гурты гонял в Кая-Арты.

Рубил дрова в ущельях диких.
Косил траву. Коров доил.
На летних пастбищах Бедика
бараньи головы смолил.

В горах, как все вы, не однажды
я зори ясные встречал
и, к роднику припавши, жажду
водой студеной утолял.

13

Прекрасно все в краю суровом,
куда бы ты ни кинул взгляд:
Баксан, катящий волны с ревом,
и звезды, что над ним горят.

Кто не видал чужого неба
над головой — тот не страдал,
тот не оценит вкуса хлеба,
кто никогда не голодал.

Кто сытостью и спесью скован,
кто сердцем черств — бесплоден тот.
Ствол сохнет, если окольцован.
На чахлой ветке гибнет плод.

Глупец всегда самодоволен
и занят лишь одним собой.
Поэт людскою болью болен,
живет с людьми одной судьбой.

Превыше тех, кто объезжает
коней, кто мрамор и гранит
в каменоломнях вырубает,
поэт себя не возомнит.

Ему чужды кривые тропы
зазнайства. В нем гордыни нет.
Протянет руку рудокопу,
уважит пахаря поэт.

Не тот поэт, кто от страданий
отводит равнодушно взор,
но тот лишь, кто без колебаний
взойдет за правду на костер.

Гордец достоин осужденья.
Его поэзия мертва,
и будут преданы забвенью
его ненужные слова.

14

Лишь стоит изменить заветам
добра и правды — пропадешь.
Ты перестанешь быть поэтом,
как только в стих пролезет ложь.

Плетя бессмысленные строки,
иные сразу в мастера
себя возводят и в пророки
единым росчерком пера.

Они твердят самозабвенно:
«Мы соль земли». Ну что ж, вода
реки забвения мгновенно
их растворит и без следа.

Мне присказку напоминает
стремленье к почестям писак:
«Повыше место выбирает
без приглашенья лишь дурак».

Достоин только тот почета,
кто пашет землю, строит дом.
Нет незначительной работы,
все в мире создано трудом.

Для труженика солнце всходит
и звезды в небесах горят.
Не тот, кто праздно дни проводит,

а труженик поэту брат.

Творя во благо человека
(мертво иначе бремя слов),
поэт равняется от века
на тех, кто знает ремесло.

15

Нравоученьем не сочитите,
я вас прошу, мои слова —
нет, я не мастер, не учитель,
мне далеко до мастерства.

Мои слова — тень слов Кязима.
Я красоты его стихов
и мудрости неотразимой
один лишь из учеников.

Не раз, скажу я откровенно,
болела у меня душа,
что вышла столь несовершенной
строка из-под карандаша.

Раз я в работе, к сожаленью,
и сам немного достиг,
могу ль читать я наставленья?
Не мастер я, а ученик.

Я стар, чтоб самообольщаться.
Со словом, выстраданным мной,

дают мне право обращаться
к вам годы, те, что за спиной.

Я вас учиться призываю
у мастеров, чья так светла
поэзия вечноживая,
чья жизнь борьбой со злом была.

Зло распознать в любом обличье,
изобличить, бороться с ним
и победить — вот путь к величью.
Таким был славный наш Кязим.

И счастлив был бы я, коль скоро
сказать с уверенностью мог,
что искра я в костре, который
учитель мой Кязим зажег,

Он мудрым был, тот мастер старый,
сказавший, — пусть всегда звучат
не только громогласно тары¹,
но и тихо кяманча².

Свой слог у каждого поэта.
Пусть струны строф моих тихи,
я знаю, что кому-то где-то
нужны как раз мои стихи.

А если смерть прервет работу,
придет, я в этом убежден,
из молодых поэтов кто-то —
пусть я не смог — сумеет он.

И мы пришли когда-то тоже
на смену старым мастерам.
Поэты, много нас моложе,
теперь идут на смену нам.

Предвижу в их стихотвореньях
метафор смелых крутизну,
и дерзость юности в сравненьях,
и рифм, и ритмов новизны.

Я только мелкие поленья
к костру Кязима подносил.
Поддерживать его горенье
старался я по мере сил.

Теперь за молодыми слово.
Как некогда и нам Кязим,
судьбу наречия родного
вверяем мы отныне им.

Их вознесет к вершинам новым
поэзии крылатый конь.
Язык — кремень, и под покровом
сугробов снежных в нем — огонь.

¹Тар — кавказский струнно-щипковый музыкальный инструмент.

²Кяманча — кавказский струнно-смычковый музыкальный инструмент.

17

К тем, что идут вослед за нами,
мои слова обращены.
Я верю, станут мастерами
они, достойными страны.

Коня передавая, мастер
юнцу, что сел в его седло,
желает долгих лет и счастья.
Пусть будет в жизни все светло!

Пускай потоки света льются,
остатки темноты гоня!
Пусть новые костры зажгутся,
взметнутся языки огня!

Пусть видит ясные рассветы
всегда Чегема каждый сын —
так говорю и верю в это
под вечер жизни я, Кайсын.

1957-1961

Перевод М.Еремина